

Ефремова Юлия Ивановна, Петрянина Ольга Валерьевна, Черкасова Елена Валерьевна,
Макарова Марина Евгеньевна

ДИСКУРСИВНЫЕ ФАКТОРЫ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ

В статье рассматривается процесс изучения иностранного языка не как аналитический метод изучения системы языка, а как способ формирования навыков речевой деятельности на данном языке. Доказывается, что когнитивная основа речи билингов должна опираться на те детерминанты порождения речи на иностранном языке, которые не учтены в генеративной теоретической модели Н. Хомского. Установлено, что возможно усовершенствование генеративных моделей, если принять во внимание ряд дискурсивных факторов, предлагаемых в данной работе, которые помогут приблизить речь учащихся на неродном языке к аутентичной речи носителей языка, расширят поиск дальнейших способов взаимодействия родного и изучаемого языков в когнитивном пространстве билингов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/1-2/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(67): в 2-х ч. Ч. 2. С. 127-130. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

В статье рассматривается процесс изучения иностранного языка не как аналитический метод изучения системы языка, а как способ формирования навыков речевой деятельности на данном языке. Доказывается, что когнитивная основа речи билингвов должна опираться на те детерминанты порождения речи на иностранном языке, которые не учтены в генеративной теоретической модели Н. Хомского. Установлено, что возможно усовершенствование генеративных моделей, если принять во внимание ряд дискурсивных факторов, предлагаемых в данной работе, которые помогут приблизить речь учащихся на неродном языке к аутентичной речи носителей языка, расширят поиск дальнейших способов взаимодействия родного и изучаемого языков в когнитивном пространстве билингвов.

Ключевые слова и фразы: порождение речи; генеративная модель; дискурс; норма и узус речи; алгоритм.

Ефремова Юлия Ивановна, к. филол. н.

Петрянина Ольга Валерьевна, к. филол. н.

Черкасова Елена Валерьевна, к. филол. н.

Макарова Марина Евгеньевна

Самарский государственный экономический университет

esun@sseu.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ ФАКТОРЫ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ

В модели Н. Хомского, построенной по строго алгоритмическому принципу, порождение высказывания представлено в виде набора команд, диктующих выбор языковых средств для выражения мысли. В этой модели учтены лишь правила языковой системы, которые действительно могут трактоваться как команды. Но, помимо них, живой речетворческий процесс регламентируется и менее строгими правилами – мягкими предписаниями и рекомендациями, которые относятся не к языковой, а к социокультурной и коммуникативной компетенциям. Порождение речи осуществляется не в вакууме, а в контексте дискурса, и потому находится под влиянием его прагматических, социальных, культурных и психологических детерминант.

Цель данного исследования – показать, что существует острая необходимость совершенствования генеративных моделей порождения речи для поиска дальнейших способов взаимодействия родного и изучаемого языков в сознании билингвов. Полная строгая логическая формализация порождения речи, вероятно, невозможна, да и не нужна. Для достижения поставленной цели необходимо решить задачу эвристической алгоритмизации, которая предполагает учет не только языковых, но и дискурсивных (психологических, культурных, социальных) факторов порождения высказывания.

В XX столетии ставилась цель создать кибернетическую модель естественного языка – «логический автомат, имитирующий владение языком» [3, с. 6]. На наш нынешний взгляд, это была утопия. Имитировать владение языком – значит имитировать языковую личность. На том или ином этапе общения имитатор будет разоблачен, подобно тому, как в фантастическом романе А. Азимова «Стальные пещеры» роботопсихолог разоблачил робота, внешне не отличимого от человека, задав ему несколько вопросов и получив ответы [1]. Чтобы имитатор не был разоблачен никогда, он должен стать тем, кого имитирует, то есть языковой личностью. Это значит, что система должна превратиться из логического автомата в личность, включающую в себя не только рациональный, но и два других важнейших аспекта – эмоциональный и интенциональный. Разум, чувства и воля – три грани личности, на основе которых формируется его.

На практике удалось разработать лишь аппроксимации к такой модели; их недостатки выдают корявости автоматически созданных текстов.

Приведем пример:

«– Let's have a drink.

– I never drink before sunset.

– Tough on the Eskimos».

Перевод, сделанный программой:

«– Давайте выпьем.

– Я никогда не пью до захода солнца.

– Туго для эскимосов».

Перевод, сделанный человеком:

«– Давай-ка выпьем.

– Я днем не пью. Такое у меня правило.

– Суровое правило. По крайней мере для эскимосов. У них ведь день полгода длится» [9, с. 137].

Машина перевела диалог дословно и при этом правильно грамматически, денотативно и сигнификативно. Но этого недостаточно для полноценного перевода. Человек учел прагматический фактор, недоступный машине. Во-первых, он принял во внимание ситуационный контекст, предполагающий русское обращение на *ты*, а не на *вы*. Во-вторых, он эксплицировал смысл с помощью фоновых знаний о мире. Он исходил из заповеди К. И. Чуковского [10]: в идеале перевод должен выглядеть так естественно, как если бы это был оригинал, написанный по-русски. Создавая полноценный русский текст, переводчик руководствовался критериями, не включенными в существующие модели машинного перевода и автоматического синтеза речи.

Отступления от канонов подлинной человеческой речи, наблюдаемые в автоматически созданных текстах, показывают, в чем состоят упомянутые недостатки, и служат полезным материалом для совершенствования моделей.

От логического автомата вряд ли можно ожидать большего: естественный язык в определенной мере алогичен, и это свойство – не его недостаток, а его преимущество перед формализованными языками. Благодаря этому свойству естественного языка существуют поэзия, мифология, религия, юмористика.

Понимая хомскианскую трактовку речепорождения как следование определенным правилам при выборе и употреблении тех или иных языковых средств для выражения мысли [6], перечислим дискурсивные факторы, определяющие этот выбор и употребление.

1. языковой фактор;
2. речевой (нормативный) фактор;
3. социо семиотический фактор;
4. культуросемиотический фактор;
5. когнитивный фактор;
6. социо-лингвистический фактор;
7. социально-психологический фактор;
8. коммуникативный фактор.

При порождении спонтанной речи учитывать все перечисленные факторы надо мгновенно и в основном на уровне речевого автоматизма, а это значит, что нужно родиться, вырасти, освоить актуальную культуру, получить хотя бы общее образование в лоне данной лингвокультуры, проникнуться национальной психологией и идеологией, впитать в себя систему ценностей народа, разделить его интересы и чаяния – одним словом, его дух. Нужно думать, желать и чувствовать, «как они». В качестве иллюстрации приведем эпизод из романа Ю. С. Семенова «Приказано выжить». Штирлиц обращается к денщику:

«– Сделайте несколько бутербродов с сыром и рыбой, мне предстоит довольно утомительное путешествие.

– Я не понял, сколько надо сделать бутербродов...

«Вот так светятся, – отметил Штирлиц. – Насквозь. И это очень плохо. Немцу нельзя говорить «несколько бутербродов»... Это значит, что говорит не немец или не чистый немец. Я должен был сказать: «Сделайте семь бутербродов», и это было бы по правилам. Надо отыграть так, чтобы Мюллер понял, отчего я сказал это свое чисто русское «несколько»...»

– Разве ваш шеф не говорил, что я уезжаю с дамой? Неужели трудно подсчитать, что днем мы будем есть три раза по два бутерброда – итого шесть; я возвращаюсь один, значит, перекушу ночью один раз, а утром второй... Следовательно, к шести надо прибавить четыре» [8].

По-видимому, русской речи в большей мере, чем немецкой, свойственна приблизительность количественной оценки и вообще характеристики объекта. Такие нюансы употребления языковых средств, обусловленные особенностями национального менталитета, не отражены в моделях трансформационной грамматики.

Чтобы сделать описание всех языковых объектов и правил, в XX веке применялась компьютерная метафора. В ее рамках речевая деятельность представляла с позиций программы автоматического синтеза речи – информационной системы, не обладающей теми компетенциями, которые спонтанно формируются у человека в онтогенезе речи. Машину нужно было обучать «с нуля». Компьютерная метафора имела не только прикладное, но и – прежде всего – теоретическое значение: под этим углом зрения становилось ясно, что пока еще не эксплицировано в лингвистических описаниях и что предстоит описать. В конечном счете оказалось, что в этих целях нужно эксплицитно представить ни много ни мало – социум, культуру и психологию человека.

Эта грандиозная цель относится к долговременной перспективе. Ныне же, преследуя более близкую и более скромную цель, можно, на наш взгляд, наряду с компьютерной использовать «шпионскую» метафору.

Разведчик Исаев – носитель русского языка – должен был безупречно имитировать личность немца Штирлица (в том числе в языковом аспекте). Отправной точкой здесь служит не машина, а человек, поставивший перед собой цель говорить на неродном языке неотличимо от носителей этого языка. Достижение этой цели начинается не «с нуля»: ведь субъект изначально обладает родной языковой и прочими компетенциями, сходными с неродными. На фоне родных компетенций видно, что нужно освоить. Решение этой проблемы имеет и теоретическое, и прикладное значение – в частности, в плане совершенствования навыков речевой деятельности на неродном языке.

Разумеется, столь глубокое освоение этих навыков, необходимое резидентам разведки, не обязательно для других пользователей неродного языка (дипломатов, переводчиков, специалистов по международным связям, преподавателей иностранного языка и др.). Нет ничего страшного в том, что речь будет нести на себе некоторые родимые пятна родной лингвокультуры: ведь им нет нужды притворяться носителями данного языка. Однако «шпионская» метафора указывает путь к совершенству. Это ориентир, идеал, к которому нужно стремиться – порой всю жизнь.

Возможно, есть возражения по поводу того, что социокультурные особенности содержания речи не входят в сферу компетенции лингвистики. Но необходимо учитывать: «То, что считается “нелингвистикой” на одном этапе, включается в нее на следующем» [3, с. 35]. Элементы социума и культуры, типизируясь, «переходят из сферы содержания в условную область кода» [7, с. 32]. Код как генеративное начало речи должен включать в себя порождающие модели, имеющие не только лингвистический, но и социальный, и культурный, и психологический аспекты.

Социум и этнокультура – знаковые феномены, однопорядковые с другим знаковым феноменом – этноязыком. Это онтологическое родство составляет основу их взаимодействия, проявляющегося в экспансии социальных и культурных кодов в вербальный язык и их совместном участии в порождении речи. В наше время «точками роста» гуманитарных наук стали социо-семиотика и лингвокультурология; ныне уже практически невозможно рассматривать этноязык в отрыве от явлений социума и этнокультуры.

Не все факторы порождения речи можно описать строго алгоритмически. Компромисс между логическим и дискурсивным описанием этого процесса видится нам в том, чтобы, с одной стороны, по-прежнему трактовать его как совокупность правил «выбора и организации» языковых средств, а с другой, ввести в порождающую модель психологические, культурные и социальные детерминанты. В результате должны наметиться общие контуры нестрогого алгоритма, который не жестко регламентирует, а лишь направляет процесс порождения речи и оставляет большую или меньшую свободу (люфт) для индивидуального речетворчества. Таким способом можно попытаться смоделировать баланс между алгоритмичностью и эвристичностью, общепринятостью и индивидуализированностью порождения речи.

В каждой этно-социо-лингвокультуре существует своя особая система моделей порождения речи, на основе которой ее носители строят идиоэтнические, аутентичные высказывания и тексты. Они запоминают эти модели в значительной мере бессознательно, в онтогенезе социокультурного и речевого развития. А иностранцы, осваивающие данный язык, располагают в основном лишь правилами грамматики из учебника и переводами иноязычных слов из двуязычного словаря. В результате, выражая мысль на неродном языке, они задействуют модели речепорождения, почерпнутые из родной для них этно-социо-лингвокультуры, на последнем этапе генеративного цикла не вполне точно вставляя в них единицы и грамматические правила неродного языка. Возникает «гибридная» речь, которая на уровне глубинной структуры соответствует родному языку говорящего и лишь на поверхностном уровне – тому неродному языку, на котором он пытается говорить.

Например, желая выразить мысль «(При выходе) не забывайте свои вещи», носитель русского языка, осваивающий английский язык, сначала, не отдавая себе в этом отчета, мысленно строит эту фразу, исходя из родной ему (русской) языковой и прочей компетенции, а затем вместо русских слов подставляет в нее более или менее эквивалентные английские слова, при этом соблюдая английские грамматические правила.

Опрошенные нами информанты – носители английского языка – охарактеризовали эту фразу как более или менее понятную, но странную и непривычную, то есть ненормативную. Вряд ли кому-либо из русскоязычных учащихся придет в голову нормативная английская формулировка *Make sure you have your belongings* (букв. «Убедитесь, что ваши вещи находятся при вас»), потому что для ее создания в их языковой и прочей компетенции нет соответствующей порождающей модели. Им знакома синтаксическая конструкция и все слова, нужные для построения этой фразы, и они поймут ее, встретив в аутентичной английской речи, но сами они вряд ли ее создадут, поскольку для ее построения требуется что-то еще, входящее в ее порождающую модель, но не отраженное ни в учебниках грамматики, ни в двуязычных словарях, то есть в аппроксимативных описаниях системы английского языка. Это «что-то еще» нужно выявить и описать. Иначе возникает парадоксальная ситуация: носители русского языка порождают английскую речь, не располагая подлинными моделями ее порождения. Получается не английская речь, но аппроксимативная, отмеченная яркими родимыми пятнами русской языковой, коммуникативной и культурной компетенции. Например, русскоязычный ученик составил предложение на английском языке: «I am a pupil of a special school». В эту фразу он вложил смысл: «Я – одаренный ученик». Англичане, услышав такое высказывание, могут сделать совершенно противоположный вывод: «Он – отсталый ученик», так как *special school* в английском языке – это школа для физически или умственно отсталых детей [9].

Аутентичная английская речь менее категорична и прямолинейна, в ней меньше отрицательных конструкций, чем в русской речи. Носители английского языка связывают ряд типовых речевых ситуаций с плоскостью настоящего времени, а носители русского языка больше используют прошедшее время. Английское когнитивное пространство характеризуется большей абстрактностью, чем русское, что находит отражение в языке. Следовательно, если речь идет о владении не только языком как системой, но и навыками речевой деятельности в контексте дискурса, необходимо учитывать следующие детерминанты порождения речи:

1. Система языка, строго очерчивающая рамки того, «как сказать можно / нельзя» на данном языке, но в этих рамках допускающая создание довольно широкого круга перифразов – альтернативных способов выражения одной и той же мысли.

2. Норма речи, которая определяет, «как говорить принято / не принято» в рамках системы языка, то есть указывает на предпочтения в выборе языковых средств из ряда эквивалентных на основе традиции их употребления. Речевая норма резко сужает круг вариантов, допускаемых системой языка, но не жестко навязывает, а рекомендует предпочтительные варианты.

3. Коммуникативный регистр, определяющий выбор языковых средств с учетом тематики, социально-ролевых отношений коммуникантов и цели общения. Составной частью в него входят правила узуса речи и речевого этикета, действующие в рамках языковой системы и речевой нормы (так сказать можно, и так говорить принято, но смотря кому, с какой целью и в какой речевой ситуации). Степень строгости предписаний и широта спектра допустимых вариантов здесь бывают разными, в зависимости от того, в каком регистре происходит общение.

4. Речевой жанр, который определяет выбор формы речи (письменная / устная), коммуникативного режима (степень формальности / неформальности общения), нормативного и функционального стилей, а они, в свою очередь, определяют выбор и комбинаторику языковых средств.

5. Объем общих для обоих коммуникантов внеязыковых (фоновых) знаний, который обуславливает степень свернутости / развернутости сообщений, эксплицитность одних фрагментов содержания и имплицитность других.

6. Объем общих для собеседников языковых знаний, влияющий на выбор подязыка (общеупотребительного лексико-фразеологического пласта, жаргона, языка для специальных целей и т.д.). Так, попытка говорить на профессиональном языке с «чайником» приведет к коммуникативному сбою вследствие того, что «чайник» не владеет данной терминосистемой; поэтому в такой речевой ситуации профи старается выразить мысль популярно, выбирая в основном общеупотребительные языковые средства.

7. Тип дискурса, определяемый по разным параметрам (институциональный / интерперсональный; бытийный / бытовой; деловой / фатический и т.д.).

8. Личностные особенности реципиента речи, определяемые его возрастной, гендерной, расовой, национальной принадлежностью, мировоззрением, уровнем образования и интеллекта, чертами характера и т.д. вплоть до его физического облика. Все эти свойства реципиента должны учитываться продуцентом речи при выборе языковых средств. На их учете основаны, помимо прочего, предписания толерантности, политкорректности, такта (требование выбирать выражения) и рекомендации касательно степени усложненности / упрощенности формы изложения мысли.

9. Языковая личность продуцента речи, определяющая особенности его идиолекта (преимущественно используемый подязык; личные предпочтения в употреблении тех или иных языковых средств, которые составляют индивидуальный стиль речи; уровень культуры речи и т.д.).

10. Характеристики канала связи: аудиальный / визуальный; естественный / искусственный (технический); с помехами / без помех; с низкой / высокой пропускной способностью и т.д. Эти характеристики тоже в том или ином отношении влияют на выбор языковых средств. Так, плохая слышимость побуждает говорящего менять фонетические свойства речи: снижать темп, уменьшать степень редукции, повышать громкость и разборчивость. Сюда же можно отнести и другие физические условия акта общения. Например, ограниченность телевизионного времени требует от дикторов новостных программ высокой скорости речи; чтобы такая речь легко воспринималась, от дикторов требуется отчетливость артикуляции и т.д.

Возможно, этот список неполон, но и он наглядно показывает, сколь много нужно учитывать, чтобы построить полноценную, идиоэтническую, а не суррогатную речь на данном языке.

Список литературы

1. Азимов А. Стальные пещеры. М.: Эксмо, 2008. 768 с.
2. Апресян Ю. Д. Лингвистические проблемы формального семантического анализа предложения // Структура текста-1981: тезисы симпозиума. М.: Наука, 1981. С. 16-20.
3. Бергельсон М. Б., Богуславская О. Ю., Гафт Р. И., Кибрик А. Е., Нариньяни А. С., Ершов А. П. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987. 279 с.
4. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке: пособие для учителей средней школы. М.: Просвещение, 1978. 159 с.
5. Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку. М.: Русский язык, 1989. 223 с.
6. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
8. Семенов Ю. Приказано выжить [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/RUSS_DETEKTIW/SEMENOW_YU/prkaz_v.txt (дата обращения: 15.10.2016).
9. Черкасова Е. В. Структура и прагматика инференциального смысла высказываний (на материале английского языка): дисс. ... к. филол. н. Самара, 2008. 169 с.
10. Чуковский К. И. Высокое искусство // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Советский писатель, 1964. Т. 3. 513 с.

DISCURSIVE FACTORS OF SPEECH PRODUCTION

Efremova Yuliya Ivanovna, Ph. D. in Philology
Petryanina Ol'ga Valer'evna, Ph. D. in Philology
Cherkasova Elena Valer'evna, Ph. D. in Philology
Makarova Marina Evgen'evna
Samara State University of Economics
ecun@sseu.ru

The article discusses the process of learning a foreign language not as an analytical method for the study of the language system, but as a way of developing skills of speech activity in a given language. It is proved that the cognitive basis of speech of bilinguals must rely on those determinants of speech production in a foreign language which are not considered in the generative theoretical model by N. Chomsky. It is established that it is possible to improve generative models, taking into account a number of discourse factors proposed in this work. They will help bring the speech of students in a second language to the authentic speech of native speakers, and will extend the search for further ways of interaction between native and studied languages in the cognitive space of the bilinguals.

Key words and phrases: speech production; generative model; discourse; norm and usage of speech; algorithm.